

УДК 93

DOI: 10.18324/2224-1833-2024-1-102-106

Гендерные аспекты законодательства РСФСР в отношении коренных малочисленных народов Сибирского края в 1920-е годы

В.А. Кудашкин

Братский государственный университет, ул. Макаренко, 40, Братск, Россия
kudashkinslava@rambler.ru

Статья поступила 29.02.2024, принята 05.03.2024

В статье рассматривается процесс формирования законодательной и правовой базы равноправия женщин коренных малочисленных народов Сибирского края в 1920-е гг. Предпринята попытка выявить особенности гендерных отношений на примере Восточной Сибири. Рассматривается роль первых документов советского государства, определивших юридическое положение советских женщин. Проводится сравнение проектов и идей, касающихся «женской» политики, разработанных в европейской части страны, с реалиями Сибирского края и делается аргументированный вывод, что общие документы и нормы не всегда можно было полноценно реализовать. Наделение правами женщин-автохтонов выделило проблему их участия в политической жизни страны, включая участие в выборах и работу в советах. Вплоть до конца 1920-х гг. ведется целенаправленная политика включения женской части коренного малочисленного населения в работу комсомольских организаций, различного рода комиссий. Причем одним из специфических препятствий было отношение мужского населения к представительницам интересов женщин в силу сложившихся многовековых традиционных представлений о месте женщины. На пути к равноправию советское и партийное руководство намеревалось вовлечь женщин-автохтонов в процесс общественного производства при одновременном повышении их квалификации, улучшении быта женщин, создании им условий для сочетания трудовых и семейных ролей. Анализ экономического состояния территорий проживания автохтонов в период становления советского государства показал, что представители малочисленных народов получали возможность развивать свои хозяйства, преодолеть нищету, включиться в процесс кооперации, создавать с помощью продовольственных баз запасы хлеба и т. д.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы (автохтоны); РСФСР; Сибирский край; гендерная история; советская национальная политика.

Gender aspects of the legislation of the RSFSR in relation to indigenous peoples of the Siberian region in the 1920s

V.A. Kudashkin

Bratsk State University; 40, Makarenko St., Bratsk, Russia
kudashkinslava@rambler.ru

Received 29.02.2024, accepted 05.03.2024

The article examines the process of formation of the legislative and legal framework for the equality of women of indigenous peoples of the Siberian territory in the 1920s. An attempt is made to identify the characteristics of gender relations using the example of Eastern Siberia. The role of the first documents of the Soviet state, which determined the legal status of Soviet women, is considered. A comparison is made of projects and ideas regarding "women's" policies developed in the European part of the country with the realities of the Siberian region and a reasoned conclusion is made that common documents and norms could not always be fully implemented. The granting of rights to indigenous women highlighted the problem of their participation in the political life of the country, including participation in elections and work in councils. Until the end of the 1920s a deliberate policy was pursued to include the female part of the indigenous small population in the work of Komsomol organizations and various types of commissions. Moreover, one of the specific obstacles was the attitude of the male population towards representatives of women's interests due to centuries-old traditional ideas about the place of women. On the path to equality, the Soviet and party leadership intended to involve autochthonous women in the process of social production while simultaneously improving their qualifications, lives, and creating conditions for them to combine work and family roles. An analysis of the economic state of the territories inhabited by autochthons during the formation of the Soviet state shows that representatives of small-numbered peoples had the opportunity to develop their farms, overcome poverty, join the process of cooperation, create grain reserves with the help of food bases, etc.

Keywords: indigenous peoples; gender history; Soviet national policy.

Особенностью формирования правовой и законодательной базы в отношении женщин коренного малочисленного населения Красноярского края и Иркутской области в 1920-е гг. является то, что она производилась в масштабах всей страны и должна рассматриваться неотделимо от «женского вопроса», решавшегося в процессе развития и формирования советского государства.

На положение женщин-автохтонок непосредственно влияла и национальная политика. Становление советской власти ознаменовалось началом проведения новой национальной политики, заключавшейся в создании этнотерриториальных автономий и формировании этнической однородности населения, в результате чего должна была появиться новая общность — советский народ. В русле этой политики на государственном уровне предпринимались различные меры экономического, социального, политического и культурного характера.

Декрет II Всероссийского съезда советов об образовании рабочего и крестьянского правительства [1], принятый 8 ноября 1917 г., определял участие народных масс в управлении государством «в тесном единении с массовыми организациями», в том числе через организации рабочих. Постановление Совета народных комиссаров о восьмичасовом рабочем дне от 11 ноября 1917 г., которым вводился 8-часовой рабочий день для всех трудящихся и обязательный еженедельный день отдыха, затрагивал и труд женщин. Кроме того, в ночное время запрещалось пользоваться трудом рабочих женского пола в возрасте до 16 лет [2]. Причем на международном уровне запрет на работу женщин в ночное время впервые был принят только 29 октября 1919 г., но Конвенция о ночном труде женщин в промышленности Международной организации труда вступила в силу только 13 июня 1921 г. [3].

Постановление советского правительства от 9 (22) декабря 1917 г. вводило равную оплату за равный труд. В 1918 г. на местах было множество проектов и идей, касающихся женщин. Например, в Саратове вышел декрет о социализации женщин 17–32 летнего возраста. В нем, в частности, говорилось о том, что с 1 марта 1918 г. отменялось «право частного владения женщинами... от 17–32 лет». Причем действие декрета не распространялось на замужних женщин, имеющих более пяти детей [4, с. 4].

Во Владимире совет рабочих и солдатских депутатов декларировал неприкосновенность личности женщин до 18-летнего возраста. Изнасилование каралось 20-летним сроком на каторге, «если он не женится на оскорбленной». После 18-летнего возраста для женщин планировалась целая система учета, в случае если она не выходила замуж, включая регистрацию в бюро «свободной любви» под страхом взыскания [4, с. 5]. Зарегистрированная имела право выборы мужчины в

сожители. На территории Восточной Сибири таких проектов не было зарегистрировано.

Наконец, V Всероссийский съезд советов в июле 1918 г. принял Конституцию РСФСР, которая законодательно закрепила равенство политических и гражданских прав женщин, предоставила им наравне с мужчинами право избирать и быть избранными во все органы государственной власти и управления.

Однако, как ни важны были юридические гарантии равноправия женщин, они составляли только одну сторону решения женского вопроса при социализме. В Сибири также прекрасно понимали, что общее советское законодательство не всегда применимо к своеобразным условиям хозяйственного и бытового уклада жизни туземного населения [5, с. 147].

Другая сторона проблемы — не менее важная и, несомненно, более сложная — была связана с созданием условий, обеспечивающих фактическое социально-экономическое и культурное равенство полов. На первых этапах строительства равноправия были поставлены задачи, которые советское руководство намеревалось решить в ближайшее время, а именно:

- максимально широкое вовлечение женщин в процесс общественного производства при одновременном повышении их квалификации;
- улучшение быта женщин, создание им условий для сочетания трудовых и семейных ролей.

Наделение правами женщин-автохтонов выделило проблему их участия в политической жизни страны, включая участие в выборах и работу в советах. По Конституции 1924 г., правом избирать и быть избранными в советы владели все граждане, достигшие 18-летнего возраста, независимо от национальности, вероисповедания, женщины, добывающие своим полезным трудом средства к жизни, не пользующиеся наемным трудом [6, с. 32].

В 1925 г. Сибирский краевой комитет РКП(б) и Сибирский революционный комитет, придавая перевыборам советов огромное значение, обратились уже конкретно не только к работницам и крестьянкам, женам рабочих, кустаркам, но и к трудящимся женщинам национальных меньшинств с призывом принять живое участие в перевыборах и практической работе советов [7, с. 147].

Призывали женщин принимать участие в обсуждении отчетных докладов о работе советов старого созыва; в разработке наказов новым советам, вносить свои указания по вопросам оживления и улучшения работы советов. Важная роль отводилась обсуждению кандидатов в новый совет.

В 1926 г. участие «национальных меньшинств» в выборах выразилось в 15,4 % ко всему количеству избирателей (вместе с русскими), в 1928 г. — в 17,5 % [8, с. 31]. Партийными органами было

принято решение о том, что в населенных пунктах со смешанным национальным составом, где имелось не менее 100 чел. национальных меньшинств, обязательно создавать отдельные национальные избирательные участки. Отчетные и избирательные собрания во всех районах, где были более или менее значительные массы национальных меньшинств, необходимо было проводить на их родном языке. Предлагалось вести протоколы и постановления массовых собраний, указы избирателей также на национальном языке. Причем, особенно указывалось, что самое серьезное внимание должно быть обращено на то, чтобы не нарушались права женщин и молодежи [8, с. 29]. В частности, рекомендовалось до общих собраний проводить специальные женские собрания о правах женщин.

При определении дня для массовых собраний необходимо было учитывать национально-бытовые и религиозные особенности. Ремесленников, кустарей, домохозяек, грузчиков, извозчиков, безработных и т. д. необходимо было прикрепить к соответствующим избирательным участкам и, в случае достаточного количества числа избирателей одной национальности, создавать отдельные национальные избирательные участки, предоставив тем самым возможность выбрать своего депутата.

Между тем, в том же 1926 г. ряд руководителей Коммунистического союза молодежи отмечал, что рост партядра в ячейках КСМ за счет девушек-националок почти незаметен [9, с. 39].

Прежде всего — через делегатские собрания представительниц нацменьшинств. Они создаются там, где ячейка имеет организатора. Организовываются делегатские собрания (в виде исключения) и в населенных пунктах без комячеек. Делегатов выбирают женщины на своем общем собрании, на год, потом они сменяются другими, чтоб, таким образом, вся масса прошла постепенно через эти собрания.

Делегатки на своих собраниях знакомятся с советскими законами, с тем, как идет социалистическое строительство, положение хозяйства, должны знакомиться со всеми вопросами текущей политической жизни. Обсуждают, как лучше поставить свое хозяйство, как ухаживать за ребятами, как их воспитывать, как сохранять здоровье и свое, и своих детей.

Руководить ими должны местные партийные ячейки через организаторов. Чтобы учеба шла правильно, нужно, чтобы партийная ячейка действительно руководила. Этого часто не наблюдалось.

В 1926 г. выходит Положение об управлении туземных племен на северных окраинах РСФСР [10], которое определяло порядок управления коренными малочисленными народами Восточной Сибири

и вполне отвечало требованиям действительной жизни. Естественно, напрямую реализация положения влияла на правовое положение женщин.

На практике организационная работа среди автохтонного населения в сильной степени тормозилась целым рядом особенностей внешних условий Севера. Уже одно незнание языка этого «разноплеменного населения» значительно затрудняло работу, но еще более осложняла ее разбросанность и подвижность населения, отдаленность районов его кочевания (иногда в течение большей части года) и полная недостижимость этих районов, замкнутость коренного малочисленного населения, его недоверие к русским, его приверженность к традициям, к старым обычаям («вера такой») и отрицательное отношение ко всяким новшествам. Стало ясно, что работа, «подрывающая» эти традиции, основы старого быта, низлагающая власть старшего и власть «князя», ставящая в основу мирозерцания туземца чуждое ему понятие коллектива, не могла иметь больших успехов в эти первые годы [5, с. 147].

И, однако, все же работа эта велась. Были организованы туземные районные исполнительные комитеты и родовые или сельские советы. Там, где автохтонное население жило вперемежку с русским, создание чисто туземных сельсоветов было затруднительно, а в случае создания смешанных сельсоветов инициатива работы, естественно, сосредотачивалась в руках русских, а туземное население оставалось пассивно-безучастным.

В Киренском округе в 1926–1927 гг. имелось два родовых (сельских) совета, в Иркутском — у тутуро-очеульских тунгусов и в Тулуновском — у карагас — по одному. В Туруханском крае организовано четыре чисто туземных РИКа и 34 родовых совета [5, с. 148].

Причем женщин сначала неохотно допускали на сугланы — находили, что от женщин одна суетня. Но все же постепенно начинали и им предоставлять право присутствия на своих съездах.

Постановление, предоставляющее «органам туземного управления народностей и племен северных окраин РСФСР» право выполнения судебных функций, причем им предоставлялось право применять «местные обычаи», поскольку их обычные права не противоречили основным положениям советского строительства. Присвоение юридических прав органам туземного управления, по словам одного из местных работников-юристов, «дает возможность использовать инициативу и пробудить активность туземных масс. Кроме того, в лице туземного суда виделся один из важных органов внедрения и проведения нашей государственной политики среди туземного населения».

В 1920-е гг. советская власть встала перед фактом катастрофического обнищания, а вместе с тем и вымирания автохтонных племен. Основной промысел большинства коренного малочисленного населения (звероловство и охота на пушного зверя) сильно пал благодаря недостатку охотничьего припаса (пороха и дроби). Правда, в Кандогирском ведомстве, в местечке Эрбогочен (и Онгоче), местечко Работино имелись кооперативы, но их деятельность была слабая, и они не обеспечили промышленников необходимым. Добытую пушнину тунгусы вынуждены были сдавать за бесценок в русские селения, преимущественно скупщикам.

Оленеводство терпело большой урон от гибели оленей, болеющих чахоткой и копытной болезнью. Для борьбы с этими заболеваниями экспедицией, снаряженной Ленкрайсоюзом, был организован дегтярно-скипидарный завод, который обслуживался всего лишь одним человеком, что не давало радикальных результатов из-за малой выработки дегтя и скипидара.

В целом енисейцы, карагассы, тунгусы Иркутского, Киренского округов, частично тунгусы Илимпейской тундры, Туруханского края и нарымские туземцы были обезоленены, лишены мясной пищи и неспособны, в связи с обезоленением, обеспечить себя в достаточной степени пушным промыслом, чтобы за счет пушнины получить хлеб, а также и тех групп, которые существуют почти исключительно за счет рыбного промысла.

Одной из первоочередных задач советского правительства для развития традиционных видов хозяйств явилась организация ветеринарных пунктов. К 1927 г. такого рода пункты имелись в Нарымском крае — в Ларьяхском, на Вахе, в верхнем течении которого оленеводство еще сохранилось, хотя и не в большом количестве; на Яновом Стане, в Дудинке, на Аваме и на Туре Туруханского края; в Ербогаченах Киренского округа [5, с. 156].

Кроме того, особую ценность имеет организация бактериологических лабораторий в Дудинке, в районе тундры, и на Туре — в районе тайги. Это не только повлекло ряд научных исследований и открытий, но и дало возможность путем прививок широко развить борьбу с эпизоотиями.

Наконец, организация на Туре и на Аваме зоотехнических опорных пунктов с созданием опытных оленных стад и оленных питомников-рассадников (для снабжения хозяйств автохтонов племенным материалом).

Для изучения южного оленеводства к карагасам в 1927 г. была отправлена в составе крупных специалистов зоотехническо-ветеринарная экспедиция. Ролью ветзоотехников были не только борьба с заболеваемостью оленей, но и знакомство коренного населения с методами рационального ведения оленеводства, а главное — создать эти

методы путем преломления опыта практика туземца-оленевода через призму достижений современной науки.

Для подготовки кадров ветеринарных врачей, специалистов по оленеводству, при Сибирском ветеринарном институте организована кафедра по оленеводству, и в 1927 г. вопросам оленеводства посвящен VIII выпуск «Трудов сибирского ветинститута». В целях сохранения оленеводства, а следовательно, в целях сохранения промысловой и экономической мощности традиционного хозяйства проводилось кредитование оленеводства, т.е. снабжение малооленных или безоленных бедняцких хозяйств оленями в кредит сроком на 5–6 лет [5, с. 157].

С 1920-х гг. широко проводится работа по кооперированию аборигенного населения и вовлечению автохтонов в работу низовых ячеек туземных кооперативов. В целом ряде кооперативов представители коренного малочисленного населения работали и в качестве членов правления, и в качестве членов ревизионных комиссий, и в качестве приказчиков. И те, что приходили за товаром, уже знали «свою» лавку, интересовались, как идут в ней дела, и всегда охотно помогали перетаскать товар, перебросать пушнину и проч.

Опыт работы показал, что система потребительской кооперации была не в состоянии учесть все особенности районов, где хозяйство массового потребителя основано на промысле. Поэтому с 1925 г. указанная система заменяется особой — интегралом с увязкой в большинстве районов с охоткооперацией.

В ее задачи входило кооперирование населения, в частности — создание рыбопромысловых артелей (что является одним из непереносимых условий повышения производительности хозяйств, в бюджете которых рыболовство имеет товарное значение); своевременное снабжение промышленника как всеми предметами первой необходимости, так и необходимым ему промысловым инвентарем, тщательно подобранным в соответствии с требованиями промышленника; добросовестное и внимательное отношение к бесхарактерному, беспечному и невежественному туземцу, которого так легко обмануть на любой мелочи. Через систему интеграла проводится кредитование туземного населения путем снабжения его оленями или выдачей ссуд на приобретение промыслового инвентаря — неводов, сетей, лодок, ружей, капканов и проч.

Необходимо упомянуть еще одно мероприятие, проводимое на Севере, это организация хлебозапасных магазинов. Опыт, т. е. изучение условий существования автохтонов привел к заключению, что этот институт ликвидированных в период революции хлебозапасных магазинов в интересах беднейших слоев туземного населения необходимо было восстановить. Хлебозапасные магазины — это своего

рода форма страхования туземного населения от голода на случай, если организации, снабжающие Север хлебопродуктами, по каким-либо причинам не смогут завезти их в достаточном количестве или не смогут доставить в какой-либо из отдаленных районов, а также на тот случай, если в силу каких-либо особых непредвиденных причин туземец останется без промысла и будет не в состоянии взять хлеба в фактории. В 1927 г. хлебозапасные магазины созданы в Нарымском крае в числе 3, в Туруханском — в числе 2 (один из них создается в настоящее время); в Киренском округе — в числе 3 и в Тулунском — одного — у карагас [5, с. 158].

В 1928 г. предполагалось, что сеть хлебозапасных магазинов будет несколько расширена за счет кредитов, отпускаемых госбюджетом. Организация хлебозапасных магазинов должна была в первую очередь производиться в районах, наиболее глухих и отдаленных, куда доставка тяжеловесов особенно затруднительна и где торговые организации не имели своих отделений. Поэтому мысль о целесообразности передачи функций хлебозапасных магазинов отделениям кооперативных организаций (и даже госторговли) оказалась, по нашему мнению, ошибочна.

Литература

1. Декрет II Всероссийского съезда советов об образовании рабочего и крестьянского правительства [Электронный ресурс]. URL: https://www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_ru&dokument=0001_rat&object=context&l=ru (дата обращения: 11.01.2023).
2. О восьмичасовом рабочем дне: декрет СНК РСФСР от 29.10.1917 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zaki.ru/pagesnew.php?id=2123> (дата обращения: 04.02.2021).
3. Конвенция о ночном труде женщин в промышленности Международной организацией труда [Электронный ресурс]. URL: <http://swww.ilo.org/ilolex/cgi-lex/convde.pl?C004> (дата обращения: 18.01.2023).
4. Социализация женщин: сб. ст. Пг.: Искра, 1918. С. 4.
5. Доброва-Ядринцева Л. Советская власть на туземных окраинах сибирского севера // Сибирские огни. 1927. № 6. С. 147.
6. Подчасова. Организация и конституция Советской власти (4-я беседа по программе для крестьянок) // Красная Сибирячка. 1925. № 12. С. 30-33.
7. Всем работницам, крестьянкам, женам рабочих, кустаркам, трудящимся женщинам национальных меньшинств в Сибири // Красная Сибирячка. 1925. № 12. С. 2-4.
8. Новинки крестьянского творчества // Агитатор. 1928. № 12. С. 28-35.
9. Анашкин. Усилим работу среди девушек крестьянок // Большевик. 1926. № 6. С. 39-41.
10. Об утверждении Временного Положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин Р.С.Ф.С.Р.: декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 25.10.1926 года [Электронный ресурс]. URL: <http://bsk.nios.ru/content/dekret-vcik-snk-rsfsr-ot-25-10-1926-goda-ob-utverzhdanii-vremennogo-polozheniya-ob> (дата обращения: 06.03.2023).